

Анжелика Вадимовна Штейнгольд – лектор, научный сотрудник Тартуского университета. Ученая степень: PhD.

Сфера научных интересов: русская этимология, этнолингвистика, паремиология.

Адрес: Uus 20-86, 50604, Tartu, Eesti.

Телефон: (+372) 7441936 (дом.).

Эл. почта: steingold@mail.ru.

Адрес учреждения: Näituse 2, 50409, Tartu, Eesti, (+372) 7375352 (раб.).

Anzhelika Shteingold – lecturer, researcher University of Tartu. Scientific degree: PhD.

Field of interests: Russian etymology, ethnolinguistics, paremiology.

Address: Uus 20-86, 50604, Tartu, Estonia.

Phone: (+372)7441936. E-mail: steingold@mail.ru.

Address: Näituse 2, 50409, Tartu, Estonia, (+372) 7375352 (office).

Анжелика Штейнгольд

Тартуский университет

К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ДОХРИСТИАНСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ СТАРОВЕРОВ ЭСТОНИИ (ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА *КОЛУШЕЧКА*)¹

Анотация

Настоящая статья посвящена реконструкции одного фрагмента дохристианских верований западнопричудских староверов. Эта задача выполняется на языковом и этнокультурном материале. Связь языка и культуры староверов Эстонии с псковским регионом уже считается доказанным фактом, однако до сих пор выявлено незначительное количество мифонимов, характерных для обоих регионов (*вихор*, *пастен*). Автор обнаруживает еще одну причудско-псковскую лексическую параллель, связанную с мифологией (*колушечка* ‘воспаление легких; болезнетворный демон’ и *колóхá* ‘тяжелый кашель, ‘воспаление легких’), и выстраивает ее этимологию на русском диалектном и финно-угорском лексическом материале.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: лексика русских говоров Западного Причудья, этимология, мифологическое имя, колушечка.

¹ Данное исследование выполнено в рамках научной темы «Староверы Эстонии: самоидентификация и национальная память в условиях двуязычия» при финансовой поддержке государственной программы Эстонии: «Эстонский язык и национальная память» (EKRM05-60).

Abstract

The article focuses on the particular problem of reconstruction of pre-Christian beliefs of Old Believers living on the Western Coast of Lake Peipus (Zapadnoye Prichudye). The problem is solved on linguistic and ethnographical data. It is already known that the Western and the Eastern Coasts of Lake Peipus are closely connected in linguistic and cultural respects. However, till now not many mythological names common to dialects of Vostochnoye and Zapadnoye Prichudye are revealed (*vichor, pasten*). In the dialect of the Old Believers from the Western Coast and in Pskov dialect the author discovers one more lexical parallel connected with mythology: *kolúshechka* 'pneumonia; demon of illness' and *kolyúhá* 'bad deep cough; pneumonia'. The second part of the article is devoted to the etymologizing of these names on Russian and Finno-Ugric lexical data.

KEY WORDS: Russian dialects of Zapadnoye Prichudye, etymology, mythological name, *kolushechka*.

Как хорошо известно, русские говоры Западного Причудья генетически восходят к северо-западным, а именно к псковским акающим говорам (Murnikova 1970, Семенова 1968, Ровнова 2004, Ровнова 2006). Истоки местного говора на территории Эстонии обсуждались неоднократно, в том числе на конференции «Русские староверы за рубежом: язык и культура», проходившей 22.09.06–23.09.06 в Тарту. В докладе Ольги Геннадиевны Ровновой «Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946–2006 гг.» (Ровнова 2007) была сделана попытка выявления прародины западнопричудских староверов на основе анализа их лингвистических и конфессиональных связей. По наблюдениям исследовательницы, следы староверов – носителей сходного говора – обнаруживаются на юго-восточном берегу Чудско-Псковского озера в районе д. Подклинье (Псковский р-н, Псковская обл.).

Помимо чисто языкового родства, можно говорить о культурной (в широком смысле) детерминированности Западного Причудья со стороны Псковщины. Определенные черты сходства наблюдается на обоих побережьях Чудского озера как в традиционном хозяйственном укладе, так и в народных верованиях, обрядах. Установить исчерпывающий перечень соответственных явлений в разных областях духовной культуры пока не представляется возможным, поскольку до сих пор не изучены границы распространения характерных для Причудья и Псковской области фольклорно-обрядовых форм и элементов народных верований. Укажем лишь на некоторые яркие

культурные параллели, которые могут пониматься как генетически связанные.

Основные жанровые формы семейной обрядности – свадьба, похороны – в Западном и Восточном Причудье характеризуются рядом общих особенностей, хотя говорить о полном тождестве уже невозможно (Рихтер 1976, 203, 232, 234, Морозова, Новиков 2007, 12–13). В частности, архаичные черты севернорусской свадьбы, еще пока отмечаемые на Псковщине, западным берегом утрачены (Рихтер 1976, 233). В рамках зимней обрядности прослеживаются отдельные маркирующие элементы, роднящие Западное Причудье с Севернорусским, в частности, с Вологодским краем (там же, 254). Заслуживает признания мнение Е. В. Рихтер о том, что остальные псковско-причудские обрядовые параллели носят более универсальный характер и не закреплены исключительно за исследуемыми ареалами. Например, известный на западном и восточном побережьях обычай колядования и ряженья в рождественско-новогодне-крещенский период знаком не только всем восточнославянским, но практически всем европейским народам без исключения.

Кроме обрядовой общности, в рассматриваемых регионах выявляются близкие взгляды на природу и происхождение отдельных сверхъестественных явлений (*вихорь*, *вураган*, *русалки*, *фараонки*) (там же, 256, Новиков, Морозова 2007, 11, 19, 87, Черепанова 1983, 34–36, Черепанова 2007, 270), на характер вредоносных действий ведьм, колдунов и на особенности лечебных приемов знахарей (Рихтер 1976, 256–257). Частично пересекается и мифологический лексикон жителей обоих побережий (Черепанова 2007, Новиков, Морозова 2007). Общими для указанных регионов, помимо названных, являются лексемы типа *пастен(ь)* ‘тень, домовой’ и *шишок* ‘черт’ (фиксируется в Эстонии окказионально) (Черепанова 2007, 289, Материалы 1963, 208, Новиков, Морозова 2007, 70).

В специальной статье, посвященной особенностям актуализации мифологической лексики в псковском культурном ареале, Ольгой Александровной Черепановой была отмечена значительно меньшая сохранность мифонимов (т.е. мифологических наименований) на территории Псковщины, чем на Новгородчине и на территории Русского Севера (Черепанова 2007, 267). Наблюдения над языком

и духовной культурой жителей Западного Причудья приводят нас к сходным выводам. Мифологическая парадигма, представленная в этом регионе, преимущественно складывается из общерусских наименований черта, причем, многие апеллятивы отмечены единично (*луканька, лукавый, враг, еретик, черный, Сатана, худые, лешии*) (Морозова, Новиков 2007, 17, а также 69–73). Широкой употребительностью в речи характеризуются только наименования *бес*, реже *черт*, соответствующие понятиям ‘черт’, ‘домовой’, ‘банник’ других русских регионов (Записи КРЯТУ).

Можно предположить, что незначительный вес мифонимов в речи староверов может быть обусловлен христианским запретом на произнесение «нечистых» имен, в связи с чем имя черта нередко заменяется эвфемизмами *он, тот*. Однако явление табу не объясняет часто наблюдаемой в Западном Причудье лакуарности ряда общерусских устойчивых мифологем (напр., здесь совсем ничего не известно о водяном, Мокоши, Пятнице, змее-обогатителе).

Слабая эксплицированность элементов мифологического мировоззрения в речи причудских староверов требует от этнологов и лингвистов очень бережного отношения к мельчайшим фактам дохристианского культурного наследия. В частности, необходимо обращать внимание не только на употребление мифонимов в «чистом» виде, но и на случаи их гипотетической включенности в устойчивые обороты, паремийные высказывания. Должна приниматься в расчет и универсальная тенденция к трансформации мифологических имен в экспрессивы (*бес, пастен, бесов фортупьян* – о болтливом и надоедливом человеке, *ишилиться* ‘возиться’ < *иши* ‘черт’? (Записи КРЯТУ)), возможность переосмысления мифологического имени в составе идиоматической конструкции и получение им семантических наращений.

Настоящее небольшое исследование посвящено одному из таких потенциальных демонимов. Речь пойдет о слове *колушечка* в составе устойчивого выражения *колушечка поколола*. В диалектологических записях кафедры русского языка Тартуского университета, сделанных в 2003 г., оно представлено единичной фиксацией – в рассказе о высокой детской смертности в довоенный период. Данное сообщение

записано от жительницы г. Калласте Акулины Петровны Улановой (1923 г. р.): «Была здесь эпидемия скарлатины: без медицины, люди неграмотные, косило детей вот так! Я выжила: наверное, сильная была, мне семь лет было. Сильные выживали, слабые умирали. Никто не получал помощи, особенно дети. Осложнения, бронхопневмония. Теперь-то я разбираюсь, а тогда не знали. «Колушечка поколола», и умер ребенок. «*Колушечка*» – это он уже посинеет. Поверие у простого человека, который не знает, от чего умирали дети» (Очерки 2004, 283–284).

Контекст проясняет некоторые важные смысловые моменты: 1. лексема *колушечка* – не просто фигура речи, а мифологическое имя (информант связывает народное устойчивое выражение *колушечка поколола* с суеверьем, суть которого ему неизвестна), 2. *колушечка* – сущ. ж. р., одушевленное; видимо, обозначающее женское демоническое существо (по народным представлениям, болезнь можно увидеть в облике мрачной, некрасивой, простоволосой женщины; так нередко в быличках изображаются *холера*, *чума*, *лихорадка*, *трясавица*), 3. *колушечка* – не просто вредоносное существо, но воплощение смерти; ее характеризует способность умерщвлять детей посредством укула (предмет, вызывающий смерть, не назван). В подтверждение последнего тезиса заметим, что в славянской традиционной культуре укол иглой, булавкой, веретеном, как и укус, магически соотносится, с одной стороны, с «заражением» смертью (ср. смерть от укуса вещицы, упыря), с другой – с разными способами наведения порчи (ведьма наносит порчу с помощью укула иглой, булавки и т.д.) (Славянские древности II 370, Штейнгольд 2006, 50–53). Таким образом, завуалированное указание на источник смерти – от острого предмета (*поколола*) – значимо для мифологического портрета демонического персонажа.

Настоящее устойчивое выражение могло бы не привлечь к себе исследовательского внимания (единичные фиксации всегда располагают к известной осторожности), если бы слово *колушечка* не обнаружило фонетико-семантических параллелей в значительном числе русских говоров. В силу затемнения исходной внутренней формы это родство не представляется очевидным и нуждается в доказательстве.

Рассмотрим словообразовательную структуру интересующего нас слова. *Колушечка* содержит отчетливый уменьшительно-ласкательный суффикс *-ечк-*, при отбрасывании которого остается производящая основа *колуш-*. Присоединение уменьшительно-ласкательного суффикса к имени демона – лингвистическое явление, хорошо знакомое диалектологам, этнографам, фольклористам (ср. в названиях демонов и антропоморфизированных околodemонических воплощений природных стихий: *соседушко*, *дедушко-атаманушко*, *доброхотушко*, *матушка-доможириха*, *матушка водица-моховица*, *гостеюшка*, *косматко* и др.) (Черепанова 1983, 30, 33, 61, 64, 67, 70, 92). Данная словообразовательная черта продиктована этикетом, принятым в традиционном социуме при контактировании с амбивалентными или опасными по своей природе существами, и отвечает целям задабривания и оберега.

Объяснить происхождение интересующей нас производящей основы можно двояко: на собственно славянской и иноязычной почве. Последовательно рассмотрим обе возможности.

Версия I.

Фразеологический контекст навязывает исследователю представление о «прозрачности» внутренней формы мифологического имени: логично предположить, что мифологическое наименование мотивировано глаголом *колоть* и что демонический персонаж получил свое название по характерному действию. В этом случае деривация осуществляется за счет суффиксов *-ух-* или *-уш-* < *-uchj- (теоретически возможны оба промежуточных варианта: *колуха* / *колуша*). Суффикс *-уш-* – регулярная, но непродуктивная словообразовательная единица, участвует в образовании имен общего рода со значением лица, которое характеризуется признаком или действием, названным мотивирующим словом (ср. *колоть* – *колуша*, как *копать(ся)* – *копуша*, *кликать* – *кликуша*) (Ефремова 1996, 484). Суффикс *-ух-*, в отличие от предыдущего, образует имена лиц женского рода. Все остальные показатели словообразовательной семантики у него сохраняются те же. Мотивирующее слово выступает и в этом случае как носитель признака или действия. Ср.: *колоть* – *колуха*, как *стряпать* – *стряпуха*, *побираться* – *побируха* (там же, 481–482). На этом изложение первой версии может быть завершено.

Такую ясную, но, как будет показано ниже, упрощенную картину дает экстрагированное рассмотрение – т. е. без применения в полном объеме возможностей внутренней и внешней реконструкции. Реально слово значительно богаче словообразовательными и семантическими связями, что становится очевидным при более внимательном рассмотрении потенциально родственных ему слов.

Версия II.

В фонетическом и семантическом отношениях форме *колушечка* ближе всего псковский диалектизм *колю́ха* ‘глубокий, тяжелый кашель, вызывающий боли в груди’, ‘воспаление легких’ (Пск.) (ср. также ‘лихорадка’ (Том., Новосиб., Сиб.), ‘малярия’ (Том.) (СРНГ 14: 218)). Из сообщения информантки не вполне ясно, о какой именно болезни идет речь: вначале она вспоминает свои детские впечатления, связанные с перенесенной скарлатиной, затем сообщает взрослую, профессиональную оценку высокой смертности от пневмонии. Вероятнее всего, выражение *колушечка поколола* относится именно ко второму эпизоду (приведенные выше значения псковского диалектизма укрепляет нас в этой мысли).

В сибирских говорах встречается близкий фонетико-семантический вариант – *кулю́ха* ‘лихорадка, малярия; неопрятная женщина’ (Том.) (там же), демонстрирующий иной корневой вокализм и смягчение корня. Его акцентуация может также отличаться от предшествующего случая. Можно предположить, что сдвиг ударения на окончание – одно из средств повышения экспрессивности мифологической лексики на *-ха* (ср. *кумб́ха* – *кумо́ха* ‘лихорадка’).

В Орловской губернии в начале XX в. Александром Ивановичем Сахаровым было зафиксировано наименование конопельного пугала *кулю́ка* / *конопéльная кулю́ка* (Сахаров 1900, 20), привлечение которого к анализу помогает расширить деревационные связи слова *колушечка*. Вопросу параллелизма в названиях пугал (артефактов) и демонических существ посвящен отдельный очерк докторской диссертации «Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе» автора данной статьи (Штейнгольд 2006, 108–117). Там же сделана попытка обнаружения причин такого рода формально-семантической обусловленности. Итогом этого частного исследования стал вывод о том, что в традиционной культуре огородное пугало

выполняло не только утилитарно-практическое, но и религиозно-культурное назначение, являлось воплощением демона-охранителя хозяйственных угодий.

Принимая во внимание представления орловских крестьян о том, что русалки живут именно в коноплянике², справедливо допустить возможность отождествления орловцами *конопельной кулюки* и *русалки* как разных воплощений женского вегетативного демона. В таком случае мотивы помещения *кулюки* на конопляном поле становятся понятны – не только для отпугивания птиц и «чужих» демонов (ср. параллелизм наименований *шут гороховый* ‘огородное пугало’ и *шут ‘черт’*), но и для повышения плодородия возделываемого участка. Подобно орловским крестьянам, жители Тамбовской губернии также приписывали русалкам продуцирующее воздействие на растительность и обращались к ним с просьбами о хорошем урожае льна (Зеленин 1995, 205, Максимов 1991, 227).

Остальные диалектные и иноязычные лексемы, демонстрирующие родство с нашим словом, отчетливо мифологичны, но при этом все дальше отстоят от формы **kolucha*, принятой за исходную. Помимо варьирующегося корневого вокализма **о / у** (*кол-* / *кул-*), у них отмечаются различия в суффиксальной оформленности (*-яш-*, *-шш-*, *-ик-* и др.) и колебания в роде (эти имена могут быть мужского, общего рода, или же грамматически относятся в группе *pluralia tantum*). Отметим попутно, что для многих наименований мелкой нечисти грамматической константой является употребление только во множественном числе, что на морфологическом уровне эксплицирует идею несчитаемого множества (ср. *кулешата*, *куляжки*, *кулючки*). Обобщим собранный лексический материал в следующей таблице.

² Данное исследование выполнено в рамках научной темы «Староверы Эстонии: самоидентификация и национальная память в условиях двуязычия» при финансовой поддержке государственной программы Эстонии: «Эстонский язык и национальная память» (EKRM05-60).

Слово	Значение	Регион	Вокализм корня (графический)	Суффиксальная оформленность (графическая)
<i>колушечка</i> (Очерки 2004, 283–284)	‘демон болезни’ [?]	Зап.- При-чуд.	-о-	- <i>ушечк(а)</i>
<i>колю́ха́</i> (СРНГ 14, 218)	‘глубокий, тяжелый кашель’, ‘воспаление легких’, ‘лихорадка’ ‘малярия’	Пск., Томск., Ново- сиб.	-о-	- <i>ю́х(а́)</i>
<i>Куло́ха</i> (СРНГ 16, 70)	‘лихорадка’	Волог.	-у-	- <i>бо́х(а)</i>
<i>кулю́ха́</i> (СРНГ 16, 76–77)	‘лихорадка’, ‘малярия’, ‘неопрятная девушка, женщина’	Томск., Крас- нояр., Куйбыш.	-у-	- <i>ю́х(а́)</i>
конопельная <i>кулю́ка</i> (Сахаров 1900, 20; СРНГ 16: 76)	‘пугало на конопляном поле’ < ‘русалка’ [?]	Орл.	-у-	- <i>ю́к(а)</i>
<i>куля́ш</i> (Даль 1981–1982 II 217; Зеленин 1914, 427)/ <i>куля́ш</i> (<i>куле́ш</i>)* (там же; Зеленин 1930, 99)	‘нечисть, которая ворует напряденное вечером’	Волог., Вят.	-у-	- <i>я́ш(о́)/ -еш(и́)</i>
<i>кули́ш</i> ** (СРНГ 16, 69)	‘маленькие чертенята разных цветов, появляющиеся во множестве в деревьях на святках’	Вят.	-у-	- <i>шш(и́)</i>
<i>куля́жки</i> (Даль 1981–1982 II 217; СРНГ 16, 77)	‘ряженные (на святках)’, ‘окрутки, переряженцы, святочные ряхи...’	Перм.	-у-	- <i>я́жк(и)</i>
<i>куле́шата</i> (СРНГ 16, 60)	‘нечистая сила, находящаяся в подчинении у колдуна’	Перм.	-у-	- <i>еша́т(а)</i>

Слово	Значение	Регион	Вокализм корня (графический)	Суффиксальная оформленность (графическая)
<i>кулjóчки</i> (Демченко 2004, 125)	‘ряженные, ходившие на масленицу’	Тамб.	-y-	-jóчк(и)
<i>куля́к</i> (СРНГ 16, 77)	‘закутанный человек’	Пск., Твер.	-y-	-я́к(ø)
<i>кули́к</i> (Даль 1981–1982 II 216; СРНГ 16, 66) <i>kulik/-ig</i> (Linde 1854–1864 II 546; Brückner 1908, 628)	‘парень, пришедший на посиделки с завешенным лицом (окрутник)’ ‘хоровод, поезд ряженных, карнавал’	Новг. польск.	-y- -u-	-úк(ø) -ík(ø)/ -ig(ø)
<i>бессонна кули́га</i> (СРНГ 16, 64)	о ребенке, который плохо спит по ночам	без указ. места.	-y-	-úг(а)
<i>kulnieks</i> , ср.: <i>kulos lēkt</i> (Mühlenbah, Endzelin 1923–1932 II 236, 242)	‘ряженный’; ‘ходить ряженным’	лтш.	-u-	-niek(s)
<i>культ</i> (Патканов, Зобнин 1899, 497)	‘черт’	То- больск.	-y-	-(ø)

* Представляется возможным видеть в слове *кулеш́и* грамматическое соответствие мн. ч. к *куля́ш*. Графика этой формы (буква **е** вместо **я**) является неверной, поскольку противоречит традиционной орфографии (в первом предупредительном слоге в суффиксе пишется **я**, а не **е** — т.е. так, как эта морфема произносится под ударением; ср.: *племя́ш* — *племяши́*, *кудря́ш* — *кудряши́* — Р. п.). Пояснение, сделанное В. И. Далем к слову *куляш* («На Крещенье куляши из воды вылазят, почему и не ходят поводу, чтобы не зачерпнуть куляша») (Даль 1981–1982 II 217)), убеждает нас в однородности его семантики и семантики слова *кулеши*, зафиксированного Д. К. Зелениным в Вятской губ. Оба автора подчеркивают сезонный и одновременно массовый характер появления этих вредоносных демонов.

** Вероятно, данное диалектное слово также является графическим вариантом формы *куляшии*. На это указывает и его география (Вятская губ.).

Настоящая парадигма мифологически коннотированной лексики, восходящей к корню **kol / *kul*, может быть дополнена формально близкими наименованиями демонов, пугал, а также экспрессивными оборотами, которые не допускают подведения под известные русскому языку словообразовательные модели (например, содержат нетипичные словообразующие аффиксы), но при этом могут быть этимологически истолкованы только при наличии общего этимона:

кулёма – 1. в *святочных играх* – небольшой пучок соломы, который бросают на колени качающегося на качелях, он его подбрасывает ногами (Волог.), 2. о неопрятном, неряшливо одетом человеке: *Настоящая кулёма, только бы поставить на огороде* (Волог., Арх., Пенз., Омск. и др.), а также ‘кикимора’ (Онеж.), 3. о суетливом, подвижном человеке (Орл. и др.);

кулёмка – 1. о толстом человеке небольшого роста (Вят.), 2. бранно – о нерасторопном, растерянном человеке (Вят.), 3. о неряшливо одетом, неаккуратном человеке (Тул.);

кулемёс – 1. ‘деятельный, но бестолковый человек’ (Сарат.), 2. ‘шалун’ (Вят.) и др.;

кулемеса – 1. ‘плохо, небрежно или безвкусно одетая женщина’ (Волог.), 2. то же, что и *кулёма* в 3-м значении (Пск., Твер.);

кулимáка – ‘неуклюжая, безвкусно одетая женщина’ (Моск., Яросл.);

кулимáн – ‘закутанный ... человек’ (Влад.);

кулимáна – ‘женщина с неаккуратно повязанной головой’ (Яросл.) (СРНГ 16: 56–57, 68).

От данных основ образованы глаголы типа *кулёмкать*, *кулемесить*, *кулемесничать* в значениях ‘наводить беспорядок’, ‘суетиться’, ‘делать что-л. небрежно’. Как известно, демонические существа имеют «нечеловеческий» облик. Отличительная черта их внешности – отсутствие лица в общепринятом смысле (ср. с традиционным закутыванием ряженных в платки до самых глаз: *кулёматься* ‘закрывать платком’, *повязаться кул́ичкой* ‘повязаться так, чтобы был закрыт лоб’ (СРНГ 16: 57, 69)), необычная ветхая одежда, хаотичные, бессмысленные или вредоносные действия (ср. *кулесить* ‘делать что-л. тихо, незаметно; делать бестолково’ < *кулес* ‘черт’ [?]).

Определенным продолжением мифологических связей описываемого исходного корня может являться обширная диалектная терминология детских игр типа прятков и жмурок. Ср. *кол* 'игра – род прятков' (Калуж.), *колюкúшки* 'то же' (Казан.), *колюндры* 'детская игра, известная в других местностях под именем ляпки' (Астрах.), *колю́чки* 'то же' (СРНГ 14: 109, 218, 220), *кулекáть* 'в детской игре в прятки искать спрятавшихся игроков' (Симб.), *кулеканищица* 'участница игры в прятки' (Симб.), *кули́калка* 'детская игра' (Волог.), *куликáть* 'водить в детской игре в прятки' (Кубан., Перм. и др.), *кулю́кáть* 'играть в прядки' (Курск., Симб.), *кулю́ки* 'игра в прядки' (Брян.), *кулю́кушки* 1. 'то же' (Уральск., Челяб.), 2. 'игра в жмурки' (Пенз.), *кулю́чить* 1. 'водить в игре в прятки' (Терск., Кубан. и др.), 2. 'водить в игре в жмурки' (Пенз.) и др. (СРНГ 16: 56–77).

Подведем предварительные итоги. Значения вышеприведенных лексем разнородны и близки одновременно. Налицо исходное семантическое ядро с отчетливо демонической семантикой ('черт', 'мелкая нечисть', 'сезонный демон', 'демон болезни'), которая в дальнейшем получает вторичное развитие в виде значений 'ряженный', 'закутанный человек', 'поезд ряженных'. Конечную фазу эволюции мифологического содержания демонстрируют чистые экспрессивы, претерпевшие стадию полного размывания денотативного значения (ср. *бессоннна кулига*, *колюха*, *колюга*, *кулёма*, *кулёха*). Другим метонимическим ответвлением следует признать наименования квазимифологических существ или существ с размытыми мифологическими контурами из детских игр, считалок: *куль-баба*, *коль-баба*, *колика-баба* и др. (ср: «Кулю, кулю баба, не выколи глаза, поди в кут, там девки ткут, тебе денежку дадут, либо мочки клок, либо гребнем в лоб!» (Даль 1981–1982 II 217, СРНГ 14: 220, 134)). Продолжение этой же семантической тенденции наблюдаем в диалектной терминологии детских игр. Этнографически не раз доказывалась связь прятков и жмурок с архаичными мифологическими представлениями о противостоянии живых людей – покойнику (демону), отсюда сохранение в корневой части таких лексем имени демона.

Как отмечалось этимологами в отношении слов типа *куль*, *куляш*, в их этимологической основе – финно-угорское наименование

черта, злого духа (Фасмер 1986–1987 II 413, Черепанова 1983, 86). Действительно, объяснения русских диалектных фактов (например, тобольск. *куль* ‘черт’ (СРНГ 16: 73)), распространенных на территории Пермского и Тобольского края, как результата заимствования из ближайших пермских, хантыйских, мансийских говоров, выглядит вполне убедительно, особенно если учесть высокую продуктивность в языках-донорах основы *kul-*: ср. перм. *Куль-Одьер* ‘властитель подземного царства’, *саус-кульниян* ‘водяной’, манс. *Куль-Отыр* ‘черт, злой дух’, *вор-куль* ‘лесной черт’, хант. *коль*, *куль* ‘черт, злой дух’ (список ф.-у. мифологических наименований с опорным словом *куль* включает не один десяток наименований) (Черепанова 1983, 86). От значения ‘черт’ также легко перейти к значению ‘ряженный’ (а затем ‘закутанный человек’), поскольку ряженные понимались как воплощения покойных предков и нечисти. Ср. вепс. *кулік* ‘ряженный’: «*Miśčenni revurizun ranemei päle i mänemei kulikoihe* (Какую-нибудь старую шубу наденем на себя и идем ряженными)» (Лапин 2004, 355). Для финно-угорской языческой традиции связь «покойный предок» – «нечистый» необычайно актуальна. Вильо Йоханнес Мансикка, опираясь на мнения предшественников, в частности, отмечал характерное для финно-угоров представление о двойственном отношении живых к покойным предкам, что на уровне языка выражается в наличии общих наименований для таких понятий, как ‘умерший’, ‘призрак’ и ‘злой дух’ (ср. эст. *koll* ‘призрак [покойного], великан, пугало, злой дух’) (Мансикка 1917, 203). Финский и эстонский вокализм наименований подобного рода совпадает с причудским и псковским в словах *колушечка*, *колюха*, что служит объяснением их фонетической выделенности на общем фоне соответствий. Таким образом, именно из прибалтийско-финских говоров псковичи и причудцы позаимствовали наименование болезнетворного и смертоносного демона.

Однако из этого объяснения все-таки неясно, где и когда могло возникнуть у интересующего нас корня **kol* / **kul* значение ‘болезнь, лихорадка’, если его не было в языке-источнике (ни в финском, ни в эстонском языках такое значение синхронно не фиксируется)? Трудно представить, чтобы наименование мужского демона было некритически присвоено чисто женскому персонажу узко-локальной славянской мифологической системы.

Как показывает знакомство с более обширным материалом, значения типа ‘тяжелая болезнь’, ‘тиф’, ‘болезнетворный демон’ для финно-угорских языков также характерны. Эмиль Нестор Сетälä (E. N. Setälä), детально проанализировав мифологический словарь финно-угорских народов, утверждает, что общефинский корень **kol* мог служить не только для обозначения таких понятий как ‘покойник’, ‘великан’, ‘черт’, но и ‘хтонический демон, приносящий болезни’, ‘тяжелая болезнь’. Дериваты приводимого общефинского корня обозначают в том числе разные типы конкретных заразных заболеваний (напр., тиф, лихорадку). (Setälä 1912, 170–183). В наибольшей степени внутренне близки словам *колушечка* и *колюха* зырянские лексические параллели, правда, с одной несущественной оговоркой: интересующий нас корень здесь выглядит по-иному – *kil*, но формально-исторически он соотносим с фин. *koljo*, эст. *koll*.

В заключение суммируем основные выводы. Слово *колушечка* является адаптированным на русской почве финно-угорским лексическим элементом с исходно широким спектром мифологических значений. Оно сохранило характерный для данного корня прибалтийско-финский вокализм. Несмотря на то, что значение ‘болезнь’ в ближайших западно-финских языках уже не фиксируется, оно, несомненно, существовало в финно-угорском праязыке на более ранней исторической стадии. Наличие в западнопричудских и псковских говорах сходных мифологических наименований поддерживает идею древней культурной близости соответствующих регионов. Бытование в речи современных диалектоносителей мифологически коннотированной лексики – одно из свидетельств сохранения в их картине мира реликтов мифологического мировоззрения.

Literatūra

- Brückner 1908 – A[leksander] Brückner. Wyrazy obce w języku polskim. Dziel 3. *Prace filologiczne*, t. , zes. 2, 602–644. Warszawa.
- Linde 1854–1864 – S[amuel] B[ogumił] Linde. *Słownik języka polskiego*. Lwów.
- Mülenbah, Endzelin 1923–1932 – K[arl] Mülenbah, J[an] Endzelin. *Lettisch-deutsches Wörterbuch. Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin*. Riga: Herausgegeben vom lettischen Kulturfonds.
- Murnikova 1970 – T[atjana] Murnikova . Vene murdeuurimine Eestis. *Keel ja kirjandus*, nr. 12, 745–747. Tallinn.

- Setälä 1912 – E[mil] N[estor] Setälä. Auf dem Gebiet der Lehnbeziehungen. *Finnish-Ugrische Forschungen*, 161–289. Helsingfors, Leipzig.
- Даль 1981–1982 – Владимир Иванович Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Русский язык.
- Демченко 2004 – П. Н. Демченко. Некоторые замечания о лексике и фразеологии масленичных обрядов Тамбовщины. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*, 2001–2004, 124–127. Санкт-Петербург: Наука.
- Ефремова 1996 – Т[атьяна] Ф[едоровна] Ефремова. *Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка*. Москва: Русский язык.
- Записи КРЯТУ – Аудиозаписи диалектной речи, хранящиеся на кафедре русского языка Тартуского университета.
- Зеленин 1914–1916 – Д[митрий] К[онстантинович] Зеленин. *Описание рукописей Ученого архива Императорского русского географического общества*. Вып.1–3. Петроград.
- Зеленин 1930 – Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. II. Запреты в домашней жизни. *Сборник Музея антропологии и этнографии*, т. 9, 1–166. Вып. 2. Ленинград: Издательство Академии Наук СССР.
- Зеленин 1995 – Д. К. Зеленин. *Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик.
- Иванов А. И. 1900 – А. И. Иванов. Веравания крестьян Орловской губернии. *Этнографическое обозрение*. Кн. XLVII, № 4, 68–119. М.
- Лапин 2004 – В. А. Лапин. Материалы для словаря фольклорно-этнографической лексики вепсов. *Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования)*, 2001–2004, 350–366. Санкт-Петербург: Наука.
- Максимов 1991 – Сергей Максимов. *Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство.
- Мансикка 1917 – В[ильо] Й[оханнес] Мансикка. Из финской этнографической литературы. *Живая старина*, 199–231. Вып. 2–3. 1916 (Год XXV). Петроград.
- Материалы 1963 – В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова. *Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики*. Рига: Издательство Латвийского Государственного университета.
- Морозова, Новиков 2007 – Н[адежда] Морозова, Ю[рий] Новиков. *Чудное Причудье. Фольклор староверов Эстонии*. Тарту: НУМА.
- Очерки 2004 – *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии*. Главный редактор И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus.
- Патканов, Зобнин 1899 – Список тобольских слов и выражений, записанных в Тобольском, Тюменском, Курганском и Сургутском округах д. чл. Паткановым и чл. сотр. Зобниным. *Живая старина*, 487–518. Вып. 4. Год 9-ый. СПб.
- Рихтер 1976 – Е[лизавета] В[ладимировна] Рихтер. *Русское население Западного Причудья*. Таллин: Валгус.
- Ровнова 2004 – О[льга] Г[еннадиевна] Ровнова. О современном языке староверов Западного Причудья. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии* I. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus, 144–155.
- Ровнова 2006 – О. Г. Ровнова. Староверы Западного и Восточного Причудья: проблема профессиональных и языковых связей. *Труды по русской и славянской филологии*.

- Лингвистика IX. Humaniora: Lingua Russica. Взаимодействие языков и языковых единиц*, 244–271. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus.
- Ровнова 2007 – О. Г. Ровнова. Говоры староверов Западного Причудья по материалам 1946 г. и 2003–2007 гг. *Очерки по истории и культуре староверов Эстонии II*, 176–201. Главный редактор И. П. Кюльмоя. Тарту: Tartu Ülikooli kirjastus.
- Сахаров 1900 – Александр Иванович Сахаров. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, т. LXVIII, № 5, 1–48. СПб.
- Семенова 1968 – М. Ф. Семенова. О региональном атласе русских старожильческих говоров Прибалтики. *Диалектологический сборник (материала Диалектологической конференции)*. *Ученые записки Латвийского государственного университета*, т. 92, 5–9. Рига: Издательство Латвийского Государственного университета.
- Славянские древности – *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Москва: Международные отношения. 1995–.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Москва. Ленинград – Санкт-Петербург: Наука. 1965–.
- Фасмер 1986–1987 – Макс Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс.
- Черепанова 1983 – О[льга] А[лександровна] Черепанова. *Мифологическая лексика русского Севера*. Ленинград: Издательство Ленинградского Государственного университета.
- Черепанова 2007 – О. А. Черепанова. Псковская лексика в контексте народной культуры. *Псковские говоры в свете актуальных проблем диалектологии. Межвузовский сборник научных трудов*, 266–272. Псков: ПГПУ.
- Штейнгольд 2006 – Анжелика Штейнгольд. *Отражение древнеславянских верований в русском лексиконе*. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus.

Anzhelika Shteingold

ON THE PROBLEM OF RECONSTRUCTION OF PRE- CHRISTIAN VIEWS OF THE OLD BELIEVERS OF ESTONIA (THE ETYMOLOGICAL ANALYSIS OF THE WORD *KOLUSHECHKA*)

Summary

The linguistic relationship between the Western and the Eastern Coasts of Lake Peipus is already known. Some replicate phenomena have been also noted in culture, particularly in traditional rites and folklore. However, till now not many mythological names common to dialects of Vostochnoye and Zapadnoye Prichudye and to Pskov region are revealed. In the present article the author makes an attempt of reconstruction of the one fragment of the pre-Christian beliefs of Old Believers of Estonia.

The issued challenge is solved on linguistic data and partly on ethnographical data. In the text an idiom *колушечка поколола* (*kolushechka* has pricked) from the speech of a local resident of Kallaste is examined. The expression is used in the passage describing infant mortality from scarlet fever or pneumonia before the World War II. The context shows that the word *колушечка* may be understood as a name of a demon causing children's death by a prick. In the Pskov and in the other Russian dialects a very close phonetic form *колю́ха* with a similar set of meanings is found ('bad deep cough', 'pneumonia', 'fever' 'malaria'). The dialectal data shows that the root *kol-* / *kul-* very frequently takes part in formation of names of infectious diseases (pneumonia, fever, scarlet fever, typhus), names of season demons that come out of water at Christmastime and Epiphany (*кулеши́, кулиши́, кулеши́ата, куля́жки*), names of bugbears (*кулю́бка*) and mummers (*кулю́к, куля́к, кулю́чки*). Many expressive names with the negative semantics are formed with the same initial root. All of them (*куле́ма, кулемёс, кулимáка, кулимáн* и др.) are the names of a dilapidated, shabby, sluggish, or quite the contrary, of a too active, muddle-headed, muffled man (woman). Other derivations of the same root connected with the terminology of folk children's games (blind man's buff, hide-and-seek) may be considered as the other semantic branch (*кол, колюкúшки, колю́ндры, колю́чки, кулю́калка, кулю́ки*). The author thinks that in the source of all these names is Finno-Ugric root **kol-* / **kul-*, which had vast range of meanings. The main of them are 'devil, demon', 'spirit', 'scarecrow', 'demon of illness', 'infectious disease'. Finnish and Estonian vocalism coincides with the vocalism of mythonyms from Pskov region and Zapadnoje Prichudye (*колушечка, колюха*). It denotes that inhabitants of Pskov region as well as Estonian Old Believers adopted the name of demon of illness and death from the local Finno-Ugric nations.